

ОХ УЖ ЭТИ «выносы» (так на Дальнем Востоке называют низкую облачность). Только искрилось голубое небо, сияло солнце — и на тебе: морозящий дождичек, пронизывающий до костей ветер с океана. Будь они неладны, эти «выносы». Их одинаково не любят ни пилоты, ни пассажиры.

Несколько лет назад я работал командиром воздушного корабля на Камчатке. Как-то пассажиры ждали отправки на самолете. Из-за «выноса» вылет задерживался. Я отправился в метеобюро узнать, надолго ли задержка. В аэровокзале из репродуктора вдруг донеслась знакомая мелодия. Диктор не назвал исполнителя. Но все узнали знакомый голос Утесова. А один моряк-пассажир сказал:

— Он! Наш песенный адмирал...

Честно говоря, меня немного задела его слова. Почему моряки считают Утесова «своим»? Думаю, что и летчики имеют на это такие же права.

ЕСТЬ ЛЮДИ, с которыми хоть и лично не знаком, все равно считаешь своими друзьями. Пожалуй, у каждого есть такие друзья: любимый поэт, писатель, художник, артист. Для меня, сколько помню себя, таким другом был Леонид Осипович Утесов.

Мне вспоминается первый год Великой Отечественной войны. Тогда я был пилотом «королевской авиации» (сокращенно — «короли»). Так летчики-истребители, бомбардировщики и штурмовики не совсем уважительно отзывались о своих коллегах, летающих на тихоходных и неуклюжих «У-2». В нашей эскадрилье с величайшей осторожностью обращались со стареньким патефоном Коломенского завода. Его таскали всюду с собой только из-за того, что у нас был десяток пластинок, напетых Утесовым. Бывало, в короткие пе-

редышки между вылетами лежим в траве, усталые до того, что нет сил даже с места сдвинуться. В это время кто-нибудь заведет «эскадрильскую реликвию» — и, честное слово, забываешь о всех трудностях, слушая: «...И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет...». К самолету, на крыле которого стоял патефон, подходили

та уже «не рукой подать».

Рядом с нашей эскадрильей базировался истребительный авиаполк. Не могу вспомнить, за каким делом меня послали к его командиру. Вдруг открывается дверь, я увидел забывшегося лейтенанта Николая Свистунова.

— Ты почему опоздал на вылет?

— Товарищ подполковник,

ПАМЯТЬ ПЕСНИ

летчики, штурманы, стрелки-радисты, механики других машин.

— Братцы, проверните «Сердце».

— «Маркизу»...

Мембрана прыгала по трещинам «Сердца». Не беда! «Маркиза» хрипела так, что вначале трудно было и слова разобрать. Но мы не замечаем этого. Пел любимый артист — и усталости как не бывало. Утесов дарил летчикам хорошее настроение. А это много значило, особенно в тот первый военный год.

Наше повальное увлечение Утесовым полковой остроносый лейтенант Александр Ставицкий определил так: «Все вы ППУ». Это сокращение, похожее на название автомата, расшифровывалось просто — признательные поклонники Утесова.

...Был канун Нового, срок второго, время, когда по всему Подмосквовью стали теснить орды оккупантов и, как говорили тогда, «загнали фашистов за Можай». С аэродрома до линии фрон-

скверно получилось. Заглянул к «королям». Они крутили патефончик. Пел Утесов, заслушался. Выскочил из землянки, а «газика» и след простыл. Вот и проковылял пехом...

Я ожидал, что стану свидетелем великого разноса, но все обошлось (может, и командир полка тоже был ППУ?). Он подошел к карте и поставил перед провинившимся Свистуновым боевую задачу:

— Сейчас только получили сообщение: на Можайск идет девятка «юнкеров». По моим расчетам они придут туда через пятнадцать минут. Через шесть минут взлетай. Ведомым будет лейтенант Анискин. Он твой земляк, тоже можайский. Вопросы есть?

— Все ясно, товарищ подполковник.

ПРОШЛО много лет, а все по-прежнему жило желание не по концертам или напетым пластинкам, а лично познакомиться с Леонидом Осиповичем Утесовым, позвать ему руку и поблагода-

рить за ту большую радость, которую испытываешь, слушая его. Такой случай мне представился, когда отмечался юбилей этого большого артиста.

Московский государственный театр эстрады в тот день напомнил осажденную крепость. Кругом только и слышалось: «Нет лишнего билетику?». Пробиваясь к входу, я неожиданно столкнулся с Николаем Свистуновым. Трудно было в этом седеющем полковнике узнать молоденького лейтенанта, с кем не выдались добрых четверть века. Но годы как по мановению волшебной палочки отодвинулись назад, когда Николай, подмигнув, сказал:

— Смотри, как много ППУ!

На груди полковника сверкало множество правительственных наград. Николай дотронулся до ордена Красного Знамени.

— Его мы заработали на пару с Утесовым. Помнишь мое опоздание на вылет? Всею дорою до Можайска я напевал: «И тот, кто с песней по жизни шагает...» Уж больно эта песня воодушевляла. Увидел «юнкера». Вот, думаю, кто нам жить мешает. Влепил очередь. Смотрю, загорелся, падает... Повторил атаку. Еще один приказал долго жить. Да ведомый мой, Вася Анискин, сбил фашиста. Остальные «юнкеры» и убрались в сторону.

В свою очередь я рассказал Свистунову о своих полетах, вспомнил моряка, назвавшего Утесова песенным адмиралом.

А Николай Свистунов говорит мне:

— Не имеет значения, чей Утесов — моряков или летчиков. Он как народный артист принадлежит всем.

М. МЕИЛАХС, офицер в отставке, бывший летчик транспортного авиаполка, г. Химки.